

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ И ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ПРАВОМОНАРХИЧЕСКИХ И ЦЕНТРИСТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

А.С. Заболотских

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119606, г. Москва, проспект Вернадского, 84.

Статья посвящена анализу социального состава политических партий Российской империи начала XX в. и реального отражения ими интересов различных социальных групп. Сословный принцип общественного устройства дореволюционной России, как представляется, должен был играть определяющую роль при формировании партийных организаций. Однако на практике многие общественные объединения (в частности, черносотенные партии) декларировали свой сословный характер, пытаясь стать выразителем интересов как можно большего числа социальных групп.

К началу XX в. в России насчитывалось около 60 партий, которые можно было назвать общероссийскими. Сравнивая наиболее известные из них, автор делает вывод, что реализовать провозглашенный сословный принцип построения политических организаций во многом удалось представителям черносотенства. Как утверждал лидер Монархической партии В.А. Грингмут, «черносотенцы-монархисты – это тысячи, миллионы, это – весь православный русский народ, остающийся верным присяге неограниченному православному царю» [10, с. 156]. Проникновению черносотенцев в широкие массы способствовала их идеология, которая носила универсальный христианский характер, отражая миропонимание традиционалистской части населения страны.

Вопреки распространенному мнению, крупная буржуазия и помещичий класс были далеко не единственными группами, входившими в состав «Союза 17 октября». Однако октябристы столкнулись с серьезными проблемами по привлечению в свои ряды рабочей и крестьянской частей российского населения, потому что в большей степени они ориентировались на работодателей, нежели на рабочих. К примеру, как отмечают исследователи, важную роль в создании «Союза 17 октября» сыграли петербургские фабриканты Брусницыны [3, с. 122]. К 1917 г. октябристы и вовсе потеряли контроль над рабочим движением.

Таким образом, несмотря на постоянное позиционирование политических партий Российской империи в качестве сословных, в реальности они преследовали интересы определенных групп населения, что было обусловлено спецификой социального и политического устройства российского государства данной эпохи.

Ключевые слова: партийная система, сословное представительство, черносотенство, «Союз 17 октября».

Партийное строительство начала XX в. – одна из интересных страниц российской истории, которая уже много лет привлекает к себе пристальное внимание исследователей. В данном контексте изучаются вопросы социального состава политических партий того времени, а также реального выражения ими интересов тех или иных социальных групп. Словесный характер дореволюционного общества во многом должен был определять и сословный характер политических партий, так как, по нашему мнению, в рассматриваемый период в России большое влияние на формирование партий оказывало сохранение сословно-феодалных институтов. То есть партийная принадлежность должна была определяться, скорее, сословно-корпоративными интересами.

Тем не менее, некоторые политические организации и союзы (например, черносотенные) декларировали свой всесословный характер. Но выдвигали ли они требования, которые соответствовали бы интересам всех сословий Российской империи? Поиск ответа на этот вопрос и стал причиной подготовки данной статьи.

К началу XX в. в России насчитывалось «280 партий, из которых около 60 можно было условно отнести к общероссийским, остальные – к региональным или национальным» [14, с. 8]. Следует обратить внимание на то, что одной из основных особенностей политических партий России начала XX столетия был их многонациональный состав, а также отсутствие чёткой внутренней социальной дифференциации. Это значит, что многие партии имели в своём составе представителей самых разных сословий, интересы которых не всегда совпадали, а в ряде случаев и полностью противоречили друг другу.

К.М. Бондаренко замечает по этому поводу: «Следует особо подчеркнуть тот факт, что в России ни один из классов не имел «своей», адекватно выражающей только его собственные интересы политической партии. Эта специфическая черта российского общественно-политического движения вытекала из незавершённости в стране социально-классовой дифференциации в целом» [5, с. 24]. С этим мнением сложно не согласиться, так как в рассматриваемый период Россия действительно находилась в процессе перехода от сословного общества к обществу классовому, что предопределяло смешанный характер социальной идентификации населения.

Рассмотрим социальный состав дореволюционных политических партий Российской империи правового и центристского толка и попробуем определить, насколько этот состав совпадал с требованиями различных групп русского населения.

Описывая крайне правые монархические организации, В.Г. Кичеев обращает внимание, что «партии и организации консервативно-охранительного направления выросли из помещичьих объединений», при этом «политические партии, имевшие выраженную социально-классовую

дифференциацию, воспринимались ими как чуждое для России явление» [17, с. 89].

Сами лидеры монархического движения всегда указывали на всесословный характер своих организаций. Так, лидер Монархической партии В.А. Грингмут писал: «Черносотенцы-монархисты – это тысячи, миллионы, это – весь православный русский народ, остающийся верным присяге неограниченному православному царю» [10, с. 156].

Как отмечает российский историк Г.А. Ивакин, «исторические документы подтверждают точку зрения о всесословности черносотенного движения» [15, с. 201]. В качестве примера автор приводит списки основателей и Учредителей Киевского союза русского народа. Примеры всесословности черносотенства приводят и другие авторы [11, с. 589].

А.В. Гавриков указывает, что Совет харьковского отдела русского собрания к 1903 г. состоял из 9 профессоров и 4 десятков разночинцев, отмечая, что «наибольшую активность черносотенные союзы проявляли в районах со смешанным населением, с крайне разношёрстным национальным составом и наличием различных религиозных конфессий» [6, с. 32–39].

Каковы же причины всесословности черносотенного движения, которое в советской историографии традиционно рассматривалось как помещичье и реакционное? [см. напр. 26].

И.В. Омелянчук в качестве причин вступления в чёрную сотню различных слоёв населения определяет «модернизационные конфликты», обострившиеся в российском обществе в начале XX в. [22, с. 30]. Говоря о всесословном характере черносотенного движения, отечественный исследователь М.Л. Размолодин поясняет, что «черносотенная идеология носила универсальный христианский характер, являясь отражением миропонимания традиционалистской части населения России, апологеты которой находились во всех слоях общества, как среди помещиков, так и среди крестьян» [25, с. 17].

По мнению К.М. Бондаренко, причиной подобного положения вещей было то, что «организация давала тому же крестьянину возможность (в крайнем случае – надежду) обратиться к ней за помощью в решении своих самых насущных житейских проблем – будь то выход из общины в связи со столыпинской реформой или получение кредита, аренда земли и т.д.» [5, с. 375].

Отметим, что черносотенные партии и союзы проводили весьма активную и целенаправленную политику по привлечению в свои ряды рабочих. Одним из примеров такой работы служит черносотенное воззвание «К русским братьям – рабочим, тоже – рабочие» [7].

Интересную мысль выдвигает И.К. Кирьянов, полагающий, что «архитекторы новой политической системы стремились максимально привязать её к социальному рельефу тогдашней России. Не без колебаний был сделан выбор в пользу представительства интересов, а не сосло-

■ История

вий, как основы избирательной системы» [16, с. 28]. Таким образом, Кирьянов склоняется к тому, что поворот черносотенства в сторону всесословности был их сознательным выбором. То есть, будучи по сути движением крупных земельных собственников, черносотенство стремилось (в первую очередь на низовом уровне) включить в себя все социальные группы. На наш взгляд, данная точка зрения оправдана и наиболее объективно отражает действительность.

Подобное же объяснение причин всесословности крайне правых предлагал В.Н. Залезский, который писал, что изначально дворянство вместе с духовенством создало свои узкосословные организации, однако в период революции они не смогли оказать серьёзного влияния на широкие народные массы, что заставило черносотенцев приступить к формированию «всесословных» монархических партий [13].

Теперь мы можем сделать вывод, что черносотенство позиционировало себя в качестве всесословного политического движения и в ряде случаев было готово пойти на некоторые уступки в части этноконфессиональных предпочтений. В качестве яркого примера здесь можно привести «Царско-народное мусульманское общество» – политическую организацию татар черносотенной направленности [2].

Политический «центр» среди партий до-революционной России представлял «Союз 17 октября». Советские историки утверждали, что основу социального состава октябристов составляла крупная буржуазия и помещики [1, с. 53]. Сегодня это положение пересмотрено.

В начале 1990-х гг., продолжая во многом советскую традицию, Д.Б. Павлов отмечал, что «в 1905–1907 гг. организацию октябристов на 1/4 составляли потомственные дворяне и купцы, почётные граждане, т.е. представители верхних слоёв русского общества (в соотношении 2:1). При этом «по показателю социальное происхождение «Союз 17 октября» может быть назван организацией дворянско-купеческой: потомственными дворянами (в том числе титулованными) были 53,22% членов партии» [23, с. 182–183].

Но позже другие исследователи на основе анализа документов (в первую очередь, отражающих ситуацию в провинции) пришли к мысли, что сложно говорить об однозначно помещичье-буржуазном характере Союза. Так, Д.С. Лавринович отмечает, что на территории современной Белоруссии «социальный состав партии октябристов состоял из чиновников, православной интеллигенции, представителей духовенства, старообрядцев. В некоторых отделах была значительная доля крестьян. Помещиков в «Союзе 17 октября» на территории Северо-Западного края, за исключением Могилёвской губернии, было мало» [20, с. 77].

На основе анализа архивных материалов Симбирской губернии В.Н. Кузнецов делает вывод, что в «Союз 17 октября» «в основном вхо-

дили «мёртвые души». 3235 октябристов региона – это, как правило, дворяне-землевладельцы, разного рода торговцы, чиновники» [19, с. 92].

Н.О. Полосина подчёркивает, что «вывод о том, что большинство членов октябристской партийной организации Тульской губернии принадлежало к крупной промышленной буржуазии или крупным помещикам делать преждевременно ... Если попытаться нарисовать социальный портрет октябриста Тульской губернии, то он будет выглядеть примерно так: мужчина, домовладелец, реже землевладелец, с высшим образованием, житель уездного или губернского города, представитель цензовой (врач, инженер, мировой судья или присяжный поверенный, нотариус) или буржуазной интеллигенции (банкир, директор патронного завода, купец), реже – потомственный дворянин (в основном, занимающий руководящее положение в партии)» [24, с. 173–174].

Если обеспеченные слои российского общества активно участвовали в деятельности союза, то несколько иначе обстояло дело с рабочими (которые, несмотря на свою относительную малочисленность, безусловно, представляли значительный интерес для всех политических сил того времени). «Союз 17 октября» в большей степени ориентировался на работодателей, нежели на рабочих. К примеру, «важную роль в создании и деятельности Прогрессивной экономической партии «Союза 17 октября» сыграли петербургские фабриканты Брусницыны» [3, с. 122]. Таким образом, союз изначально ориентировался больше на интересы предпринимателей, нежели на интересы рабочих. Показателен и тот факт, что в 1917 г. «Союз 17 октября» никак не контролировал рабочее движение. Подлинная растерянность сквозит в словах А.И. Гучкова на допросе в СЧК в 1917 г.: «У меня впечатление такое, что они восстали самостоятельно, как самостоятельно восстали и рабочие, что они не были предводительствуемы офицерами» [12, с. 279].

Среди других политических партий начала XX в., стоявших на промонархических позициях, но не являвшихся черносотенными организациями, стоит отметить упомянутую выше Прогрессивную экономическую партию (ПЭП), которая была близка «по своим взглядам к октябристам, но, тем не менее, отличалась от них по ряду позиций, препятствовавших объединению обеих партий» [4, с. 4]. В числе прочего, в социальном отношении данная партия отчасти ориентировалась на широкие рабочие массы. Так, в воззвании «К людям труда» с лозунгом «Свобода, знание, труд» партия обращалась «к честным трудящимся людям», под которыми, очевидно, подразумевались рабочий класс и крестьянство [8].

Всесословный характер декларировала и так называемая «Партия свободомыслящих», которую В.И. Ленин характеризовал как «либеральную буржуазно-интеллигентскую группировку» [21], примыкавшую слева к Конституционно-демократической партии. В частности, в программе

данной партии заявлялось требование реформ «не только гуманных и соответствующих интересам всех классов, но и практически осуществимых» [9].

Подводя итоги рассмотрению социального состава основных политических партий, поддерживавших монархию, мы можем сделать следующие выводы:

- политические партии декларировали свой всесословный характер, хотя некоторые из них (в первую очередь мелкие партии, так или иначе смыкавшиеся впоследствии с более крупными) носили узкосословный характер;
- социальный состав политических партий говорит о том, что они прилагали максимум усилий для привлечения в свои ряды различных сословий, но эффективность этих действий была различной. Если черносотенство в определённой степени могло говорить о своём всесословном характере, то у октябристов возникали серьёзные проблемы с привлечением рабочей и крестьянской части населения империи.

Безусловно, все партии, заявляя о своей лояльности царскому режиму, претендовали на роль «партии власти». Однако, как отмечает Г.М. Кропоткин, «если октябристы не оказались в глазах высокопоставленных сановников надёжной социальной опорой, то равным образом это можно сказать и о правых общественных движениях» [18, с. 21]. Как представляется, главная причина подобного отношения власти к этим партиям заключалась в том, что в реальности рассматриваемые политические организации лишь внешне претендовали на всесословный статус. В них действительно могли входить представители разных сословий, но это не означало, что сами партии представляли интересы этих сословий. При этом показательно массовое участие крестьянства в правомонархических партиях. На

наш взгляд, это было связано именно с политической отсталостью крестьянского населения, а также с патриархальной природой его самосознания. Очевидно, что программа правомонархизма, направленная на сохранение крупного помещичьего землевладения, ни в коей мере не соответствовала чаяниям крестьянства.

Кроме того, была и ещё одна важная причина: радикализм левых партий. Крестьянам было ближе и понятнее консервативное (и порой крайне упрощённое) содержание черносотенных лозунгов, нежели сложные программные установки левых, либеральных и даже центристских партий.

Не менее показательным и отношение рабочих. Являясь политически более сознательной частью населения Российской империи, рабочие последовательно отстаивали и свои политические интересы, от которых зависело их социально-экономическое положение. Могли ли они поддержать «Союз 17 октября»? Очевидно, что нет, так как эта партия представляла интересы в первую очередь промышленного капитала, не заинтересованного в уступках в решении рабочего вопроса. Не привлекали рабочих и черносотенные организации, которые были тесно связаны с дворянско-помещичьими интересами. Другими словами, программы правомонархистов уделяли крайне скудное внимание рабочему вопросу. В то же время программы левых партий ориентировались именно на рабочих.

Таким образом, мы можем утверждать, что хотя политические партии Российской империи позиционировали себя в качестве всесословных организаций, в реальности они преследовали интересы определённых групп населения, что было обусловлено спецификой социального и политического устройства российского государства рассматриваемой эпохи.

Список литературы

1. Аврех А.Я. III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы // Исторические записки. Т. 53. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 50-110.
2. Алексеев И.Е. Татарский след в черносотенном движении [Электронный ресурс]. // Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия». 06.01.2006. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2006/01/06/tatarskij_sled_v_chernosotennom_dvizhenii/ (дата обращения: 18.03.2016).
3. Барышников М.Н. Предприниматели в общественно-политической жизни Петербурга накануне выборов в I Государственную Думу // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. 2002. № 2. Т. 2. С.119-130.
4. Беспятова Е.Б. Прогрессивно-экономическая партия: Автореф. дисс. ... к-та истор. наук: 07.00.02. Москва, 1996. 26 с.
5. Бондаренко К.М. Политические партии России. Конец XIX – первая четверть XX в. Ч. 1. Могилев: МГГУ, 2004. 172 с.
6. Гавриков А.В. Общественно-политическая деятельность харьковского отдела Русского Собрания в 1902–1905 гг. // Научные стремления. 2014. 2(10). С.30-35.
7. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 27. Л. 1 «Программа Партии Свободомыслящих». 1905 г.
8. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 16. Л. 1.
9. ГАРФ. Ф. 116. Оп.2. Д. 31. Л. 1 «Воззвание к людям труда!».
10. Грингмут В.А. Собрание статей. Т. 1–4. М., 1906–1910. Т. 2. 312 с.

■ История

11. Гуторова А.Н. История зарождения многопартийности в начале XX века в Центральном Черноземье // *Vylye Gody*. 2014. № 34 (4). С. 586–591.
12. Допрос А.И. Гучкова, 2 августа 1917 г. (Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства) // Падение царского режима / ред. П.Е. Щеголев. Л.: Государственное издательство, 1926. Т. 6. 415 с.
13. Залезский В.Н. Монархисты. Харьков, Пролетарий, 1930. 71 с.
14. Зотова З.М. 100 лет российской многопартийности. М.: РЦОИТ, 2006. 240 с.
15. Ивакин Г.А. Черносотенство в политической системе Российской Империи в начале XX века: Дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Москва, 2014. 516 с.
16. Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве: Автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Ижевск, 2009. 47 с.
17. Кичеев В.Г. Черносотенно-монархические организации России в начале XX в. // *Власть*. 2008. № 12. С.88-90.
18. Кропоткин Г.М. Правящая бюрократия и «новый строй» в России (1905–1907 гг.): Автореф. дис. ... к-та истор. наук: 07.00.02. Москва, 2007. 29 с.
19. Кузнецов В.Н. Политические партии в Поволжье в 1907 – начале 1917 г. (на материалах Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской губерний) // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2010. № 2. Т. 12. С. 92 - 98.
20. Лавринович Д.С. «Союз 17 октября» и национальный вопрос в северо-западном крае Российской империи (1905–1915 гг.) // Международная конференция «Переяславская Рада: её историческое значение и перспективы развития восточнославянской цивилизации». НТУ «ХПИ». 2001. С. 77 - 82.
21. Ленин В.И. Опыт классификации русских политических партий. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1972. Т. 14. С. 21 - 27.
22. Омелянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.). Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. Воронеж, 2006. 47 с.
23. Павлов Д.Б. «Союз 17 октября» в 1905–1907 годах: численность и социальный состав // *Отечественная история*. 1993. № 6. С.181-185.
24. Полосина Н.О. Образование, структура и социальный состав партии «Союз 17 октября» Тульской губернии в 1905–1907 гг. // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. Вып. 7 (62). Т. 10. 2009. С.171-175.
25. Размолодин М.Л. О причинах всесословного характера черносотенных организаций // *Научный журнал КубГАУ*. 2010. № 63(09). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2010/09/pdf/19.pdf> (дата обращения: 18.03.2016).
26. Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.) – М.: Мысль, 1977. – 364 с.

Об авторе

Заболотских Александр Сергеевич – стажер кафедры истории российской государственности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». E-mail: zaab@mail.ru.

THE SOCIAL COMPOSITION AND MAIN TASKS OF RUSSIAN RIGHT-MONARCHIST AND CENTRIST POLITICAL PARTIES OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY

A.S. Zabolotskikh

Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation. 84, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation 119606.

Abstract: *This article analyzes the social composition of the political parties of the Russian Empire in the early XX century and a real reflection of interests of different social groups. The estates principle of social organization of pre-revolutionary Russia, seems, was to be decisive to formation of the party organizations. However, in practice, many public organizations (in particular, the Black Hundred Party) declared their all-estates character, trying to become the spokesman of the greatest possible number of social groups.*

By the beginning of XX century in Russia there were about 60 parties, which could be called the all-Russian. Comparing the most famous of them, the author concludes that representatives of the Black Hundreds largely managed to realize the proclaimed all-estates construction principle of political organization. As

stated by the leader of the Monarchist Party V.A.Gringmut, "Black Hundred-monarchists – are thousands, millions, it's – the whole Russian Orthodox people, remaining faithful to the oath unlimited Orthodox tsar" [10, p. 156]. The ideology of the Black Hundreds, which had the universal Christian character, reflecting the traditionalist outlook of the country's population, contributed to their penetration into the masses.

Contrary to popular belief, the big bourgeoisie and the landlord class were not the only groups that are members of the «Union of October 17th». However Octobrists faced with serious problems, attracting to its ranks of workers and peasants of the Russian population, because they are more focused on employers rather than workers. For example, as the researchers note, an important role in the creation of the "Union of October 17th" played factory owners Brusnitsyns in St. Petersburg [3, p.122]. But by 1917 Octobrists altogether lost control of the labor movement.

Thus, despite the constant positioning of the political parties of the Russian Empire as all-estates, in reality, they pursued the interests of certain groups of the population, which was due to the specific social and political structure of the Russian state of this epoch.

Key words: the party system, representation of estates, the Black Hundreds, Union of October 17th.

References

1. Avreh A. Ja. III Duma I nachalo krizisa tret'eijun'skoj sistemy [The Third Duma and the beginning of the crisis of "June 3 system"]. Istoricheskie zapiski. Vol. 53. Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1955. Pp. 50-110. (In Russian)
2. Alekseev I.E. Tatarskij sled v chernosotennom dvizhenii [Tatar mark in the Black Hundred movement]. Informatsionno-analiticheskaia sluzhba «Russkaia narodnaia liniia», 06.01.2006. Available at: http://ruskline.ru/analitika/2006/01/06/tatarskij_sled_v_chernosotennom_dvizhenii/ (Accessed: 18.03.2016) (In Russian)
3. Baryshnikov M.N. Predprinimateli v obshhestvenno-politicheskoi zhizni Peterburga nakanune vyborov v I Gosudarstvennuju Dumu [Employers in the public and political life of St. Petersburg on the eve of elections to the State Duma I]. Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I.Gercena, 2002, no. 2, vol. 2, pp. 119-130. (In Russian)
4. Bespjatova E.B. Progressivno-jekonomicheskaja partija [Progressive economic party]. Abstract Diss. Moscow, 1996. 26 p. (In Russian)
5. Bondarenko K.M. Politicheskie partii Rossii. Konec XIX – pervaja chetvert' XX v. Ch. 1. [Political parties of Russia. The end of XIX century – the first quarter of XX century. Part 1]. Mogilev, MgGU Publ., 2004. 172 p. (In Russian)
6. Gavrikov A.V. Obshhestvenno-politicheskaja dejatel'nost' har'kovskogo otdela Russkogo Sobranija v 1902–1905 gg. [Political activity of the Kharkov department of the Russian Assembly in 1902–1905 years]. Nauchnye stremlenija, 2014, no. 2 (10), pp. 30-35. (In Russian)
7. State Archive of the Russian Federation. Fund 116, inventory 2, file 27, sheet 1 «Programma Partii Svobodomysljashhih» [Freethinking Party program], 1905. (In Russian)
8. State Archive of the Russian Federation. Fund 116, inventory 2, file 16, sheet 1. (In Russian)
9. State Archive of the Russian Federation. Fund 116 inventory 2, file 31, sheet 1 «Vozzvanie k ljudjam truda!» [“Appeal to the working people!”]. (In Russian)
10. Gringmut V.A. Sobranie statej [Collection of articles]. Vol. 1 – 4. Moscow, 1906–1910. Vol. 2. 312 p. (In Russian)
11. Gutorova A.N. Istoriia zarozhdeniia mnogopartiinosti v nachale XX veka v Tsentral'nom Chernozem'e (History of Origin of the Multiparty System in the Central Black Earth of Russia in Early XX Century). Bylye Gody, 2014, no. 34 (4), pp. 586-591. (In Russian)
12. Dopros A.I.Guchkova, 2 avgusta 1917 g. (Stenograficheskie otchety doprosov I pokazanij, dannyh v 1917 g. v Chrezvyčajnoj Sledstvennoj Komissii Vremennogo Pravitel'stva). [Interrogation of A.I.Guchkov, August 2, 1917 (Verbatim records of interviews and testimony given in 1917 by the Extraordinary Investigation Commission of the Provisional Government)]. Padenie carskogo rezhima [The fall of the Tsarist regime]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926. Vol. 6. 415 p. (In Russian)
13. Zalezskii V.N. Monarkhisty [Monarchists]. Khar'kov, Proletarij Publ., 1930. 71 p. (In Russian)
14. Zotova Z.M. 100 let rossiiskoi mnogopartiinosti [100 years of Russian multi-party system]. Moscow, RTsOIT Publ., 2006. 240 p. (In Russian)
15. Ivakin G.A. Chernosotenstvo v politicheskoi sisteme Rossiiskoi Imperii v nachale 20 veka [Black Hundreds in the political system of the Russian Empire in the early twentieth century]. Phd Diss. Moscow, 2014. 516 p. (In Russian)
16. Kir'ianov I.K. Rossiiskie parlamentarii nachala 20 veka: novye politiki v novom politicheskom prostranstve [Russian parliamentarians beginning of the twentieth century: the new policy in the new political environment]. Abstract Diss. Izhevsk, 2009. 47 p. (In Russian)

■ История

17. Kicheev V.G. Chernosotenno-monarkhicheskie organizatsii Rossii v nachale 20 v. [Black Hundred-monarchist organization in Russia in the early twentieth century]. *Vlast'*, 2008, no. 12, pp. 88-90. (In Russian)
18. Kropotkin G.M. Praviashchaia biurokratiia i «novyi stroi» v Rossii (1905–1907 gg.) [The ruling bureaucracy and the "new order" in Russia (1905–1907 years)]. Abstract Diss. Moscow, 2007. 29 p. (In Russian)
19. Kuznetsov V.N. Politicheskie partii v Povolzh'e v 1907 – nachale 1917 g. (na materialakh Simbirskoi, Samar-skoi, Saratovskoi i Astrakhanskoigubernii) [Political parties in the Volga region in 1907 – early 1917 years (on materials of Simbirsk, Samara, Saratov and Astrakhan provinces)]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 2010, no. 2, vol. 12, pp. 92-98. (In Russian)
20. Lavrinovich D.S. «Soiuz 17 oktiabria» i natsional'nyi vopros v severo-zapadnom krae Rossiiskoi imperii (1905–1915 gg.) ["Union of October 17" and the national question in the northwest region of the Russian Empire (1905–1915)]. *Mezhdunarodnaia konferentsiia «Pereiaslavskaiia Rada: ee istoricheskoe znachenie i perspektivy razvitiia vostochnoslavianskoi tsivilizatsii»* [International Conference "Pereyaslavl Rada: its historical significance and prospects of development of the East Slavic civilization]. NTU "KhPI". 2001. P. 77-82. (In Russian)
21. Lenin V.I. Opyt klassifikatsii russkikh politicheskikh partii [Experience Russian classification of political parties. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], 5th ed., vol. 14, pp. 21-27. (In Russian)
22. Omel'ianchuk I.V. Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii (1901–1914 gg.) [Black-Hundred movement in the Russian Empire (1901–1914 years)]. Abstract Diss. Voronezh, 2006. 47 p. (In Russian)
23. Pavlov D.B. «Soiuz 17 oktiabria» v 1905–1907 godakh: chislennost' i sotsial'nyi sostav ["Union of October 17" in 1905–1907: number and social composition]. *Otechestvennaia istoriia*, 1993, no. 6, pp. 181-185. (In Russian)
24. Polosina N.O. Obrazovanie, struktura i sotsial'nyi sostav partii «Soiuz 17 oktiabria» Tul'skoi gubernii v 1905–1907 gg. [The formation, structure and social composition of the party "Union of October 17" Tula province in 1905–1907]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriia. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Scientific statements Belgorod State University. Series: History. Political science. Economy. Computer Issue], no. 7 (62), vol. 10, 2009, pp. 171-175. (In Russian)
25. Razmolodin M.L. O prichinakh vsesoslovnogo kharaktera chernosotennykh organizatsii [The reasons for all-estates nature of the Black Hundreds]. *Nauchnyi zhurnal KubGAU*, 2010, no. 63 (09). Available at: <http://ej.kubagro.ru/2010/09/pdf/19.pdf> (Accessed 18.03.2016). (In Russian)
26. Spirin L.M. Krushenie pomeshchich'ikh i burzhuaznykh partii v Rossii (nachalo 20 v. – 1920 g.) [The collapse of the landlords and the bourgeois parties in Russia (the beginning of the 20th century – 1920)]. Moscow, 1977. 364 p. (In Russian)

About the author

Alexander S. Zabolotskikh – Intern of the Chair of history of Russian statesmanship in Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation. E-mail: zaab@mail.ru.